

Насквозь промокшая одежда, словно ледяной панцирь, плотно облепила Линь Ваньцин, жадно вытягивая из тела остатки тепла. Даже прижавшись к Дуодо, она не могла спастись от пронизывающего холода, который проникал повсюду. Девушку била неудержимая дрожь, а при каждом выдохе в тусклом лунном свете отчетливо клубился густой белый пар.

Дуодо переносила всё гораздо легче. Казалось, у нее был природный иммунитет к низким температурам и сырости: кожа лишь немного побледнела, но до состояния Линь Ваньцин ей было далеко. Дуодо с тревогой смотрела, как дрожит ее спутница, раз за разом смахивая капли воды с ее волос и щек и напевая ту самую мелодию, приносящую крупницы тепла.

— Н-нужно что-то придумать... — зубы Линь Ваньцин выбивали дробь, голос звучал прерывисто. — Нельзя... так дальше... в следующий раз...

Следующий дождь, следующее похолодание — если не найти способ согреться, она действительно может погибнуть. Угроза переохлаждения нависла над ними, став куда более реальной и неотложной, чем голод.

Рассвет забрезжил слабо. Туман над морем, казалось, перестал сгущаться, но гнетущее чувство тревоги не отступало — оно притаилось где-то вдали, точно залегший в засаде огромный зверь. Воздух был свежим, но пронзительно холодным, а ветер, приносивший ледяную крошку, больно жалил кожу.

Инстинкт выживания подавил усталость. Линь Ваньцин с трудом села и начала разминать затекшие конечности. Она принялась пересчитывать свое скромное имущество: полувлажная одежда, разобранный на части костюм для косплея (остались лишь лоскуты яркой ткани с необычной текстурой и кое-какие украшения), удочка, леска, несколько деревянных палок, обрывки веревки, пустая металлическая коробка и — самое главное — ее руки, привыкшие кроить и шить.

Взгляд девушки остановился на мотке прочной прозрачной лески. Это была не обычная нить, но она вполне могла сойти за нее. Остатки ткани от костюма, хоть их было и немного, обладали особыми свойствами: некоторые даже не пропускали воду или удерживали тепло.

В голове созрел план. Она сошьет одежду — настоящую теплую одежду, способную защитить от холода.

— Дуодо, — голос Линь Ваньцин все еще был хриплым, но глаза горели решимостью, — нам нужны вещи потеплее. Помоги мне.

Дуодо, хоть и не до конца понимала замысел, тут же кивнула. Она всегда безоговорочно поддерживала решения Линь Ваньцин.

Первым делом Линь Ваньцин занялась материалами. Она разложила широкие листья на плоту для просушки, отбирая из костюма самые плотные куски с мягкой подкладкой. Дуодо по ее

просьбе промыла леску в проточной воде, избавляя ее от морской соли и запаха рыбы, чтобы та стала более податливой.

Ножниц не было, поэтому она воспользовалась заточенным осколком металла. Иглы тоже не нашлось, но она нашла выход: подобрала мелкие рыбы кости и долго терла их о доску, пока один конец не стал острым, а затем прожгла ушко раскаленным угольком. Так появилась примитивная костяная игла.

Оставшееся время Линь Ваньцин провела в своей родной стихии. Снятие мерок, кройка, шитье... Из-за скудного инструментария и пронизывающего ветра каждый шаг давался с трудом. Пальцы покрылись глубокими красными бороздами от лески, движения стали неуклюжими, но огонь в ее глазах разгорался все сильнее.

Сначала она взялась за Дуодо. Используя градиентную синюю ткань от косплейного наряда, она искусно сшила короткую кофту, защищавшую торс и руки. Затем, словно плетя чешую, она закрепила леской слой широких плотных листьев поверх ткани, создав уникальную накидку. Она не только защищала от ветра и влаги, но и удерживала слой воздуха между листьями, создавая прекрасную теплоизоляцию.

Для себя Линь Ваньцин выбрала более практичный вариант. Она сняла промокшую верхнюю одежду, развесив ее сушиться на плоту, а из самой толстой ткани подкладки и мягких сухих водорослей смастерила простую жилетку, которую надела прямо на тело. Поверх она накинула такую же накидку из остатков ткани и листьев.

Когда последний узел на леске был затянут, Линь Ваньцин облегченно выдохнула. Она набросила синюю накидку на плечи Дуодо — размер подошел идеально.

— Ванвань, это... мне? — русалка погладила накидку, ощущая, как листья блокируют ледяной ветер, и в ее глазах отразились восторг и нежность. Голос ее стал тише.

— Примерь, как тебе? Все еще холодно? — спросила Линь Ваньцин, в голосе которой сквозь усталость пробивалась надежда.

Дуодо энергично замотала головой, плотнее закутываясь в накидку, и радостно воскликнула:

— Стало намного теплее!

Линь Ваньцин тоже облачилась в свое изделие. Пусть оно выглядело грубо, но дополнительный непродуваемый барьер в сочетании с жилеткой наконец-то спасал тело от прямого контакта с холодом. Долгожданное тепло начало разливаться от груди по всему телу, согревая конечности. Линь Ваньцин спрятала руки под накидку и довольно зажмурилась:

— Действительно тепло, я наконец-то ожила!

Но это было не все. Линь Ваньцин взглянула на остатки ткани и лески, затем на раскачивающийся плот. Она взяла последние отрезки лески и несколько тонких палочек, начиная новый эксперимент. В памяти всплывали схемы различных узлов — она пыталась сплести мелкаячеистую сеть. С ней ловить моллюсков, креветок или водоросли будет гораздо проще!

Ее движения были сосредоточенными и уверенными, будто в руках у нее была не грубая леска, а тончайший шелк. Мастерство портного заключается не только в умении шить, но и в глубоком понимании структуры, материалов и их функционального применения. В этом отчаянном плавании навык, казавшийся бесполезным, обрел новую жизнь.

Линь Ваньцин была полностью поглощена плетением сети, а Дуодо, облаченная в новую накидку, с любопытством наблюдала за ней.

Всплеск!

Резкий звук воды нарушил временное спокойствие.

Это был не шум волн — будто что-то под водой, совсем рядом, совершило резкое движение.

Обе замерли и вскинули головы в сторону звука. На краю серого тумана по воде расходились странные круги. В самом их центре виднелось что-то, напоминающее... едва заметный темно-красный оттенок.

Улыбка мгновенно исчезла с лица русалки. Она не сводила глаз с того участка воды, ее тело мелко дрожало. Она крепко вцепилась в руку Линь Ваньцин, и в ее голосе отчетливо слышался страх:

— Линь Ваньцин... там, под водой... что-то ранено... много крови... эта печаль... она превращается в боль и... ярость!

Что-то под водой? Ранено? Кровь? Печаль превращается в боль и ярость? Полные ужаса слова русалки, словно ледяной шип, пронзили едва возникшее тепло. Эти фразы, сплетаясь воедино, рисовали крайне опасную картину, от которой по спине пробежал холодок.

<http://bllate.org/book/18775/1821002>